

В каждой деревне своя знаменитость. Такой знаменитостью в Тинской была женщина по прозвищу Мода, которое получила за причудливые, но всё же красивые наряды. Ярко-красные юбки с кофточками, мелькающими, в крупный цветок, со вкусом, идеально сидевшие на фигуре. Мужчины смотрели на Моду с особым интересом; женщины тоже смотрели, но ухмылялись. Мальчишки делали выпуклые глазки и приоткрывали губки в трубочку, а потом присвистывали: «Фью-фью-фью-у-у».

Всю необычную красоту нарядов Мода создавала для одного-единственного. Жил единственный в той же деревне, имя имел обычное — Сергей — и работал простым трудовиком в школе.

— И как вам Мода? У неё сегодня шляпа отпадная, здоровая, — говорили ему старшие ученики.

— Здоровая — это как? Здоровье хорошее у шляпы? — отвечал, улыбаясь, трудовик, разморённый детской болтовнёй.

— Да не-е-ет, большая просто. Ну как?

— Что как? Никак.

Да, но не совсем прост был Сергей. Никому никогда не говорил — и писал втихомолку стихи о любви. Бывало это около клуба.

Клуб стоял у тайги, в нём под мельтешащие по полу огоньки и мощный прожектор все изображали почти точь-в-точь похожие движения.

Скрытой, тёмными хвойными тропами, покрытыми белым игольчатым мхом, из тайги выходила Мода, отрывая от земли мягкий, пушистый моховой коврик.

У клуба на завалинке сидит Сергей, задумчивый, смотрит в одну точку, а в этой точке — Мода, в юбке травянистого цвета, широким ремнём на бёдрах подпоясанная. На бочок подпоясанная, по-модному. Мода часто в той стороне гуляла, она вообще часто гуляла, наряды народу показывала.

А заметив Сергеев пристальный взгляд, сильнее вильнёт Мода бедром, выходя из точки обзора.

И тогда стихи у Сергея шли, ещё как шли...

А из клуба летели треск, музыкальный грохот и пьяные крики. А потом музыка внезапно обрывалась. Какой-то пьяный орал:

— Ещё-о!

И вновь треск, стук, танцы.

— Мода-а-а,— в момент затишья говорил Сергей, а потом тихо насвистывал заигравшую модную песенку.

Неизвестно, знал ли Сергей или кто в деревне, и сама Мода знала ли, что такое есть эта самая мода.

Зато деревня знала и в один голос твердила, что приличнее Сергея Николаевича никого в деревне нет. Приличнее и опрятнее.

Говорили так, что он именно мужик, нормальный, деревенский, не какой-то там мужчина.

Но одна несуразица во всём, никому не известная несуразица: мужик писал стихи. Вот так — школа, клуб, стихи — так и ускользали в небытие дни календаря.

— Сергей Николаевич у себя? — спрашивала о нём Мода у школьного вахтёра.

— Ишь ты, как о большом начальнике справляешься! — отвечал вахтёр хриплым с похмелья голосом.

— А он и есть начальник!..

«...И души моей повелитель,— уже про себя заканчивала фразу.— Куда скажет — туда пойду, что скажет — то и сделаю».

Тонкими пальцами оторвала Мода лист календаря, висящего на стене у вахтёра. Бросила листок, не глядя на дату, и думала, что Сергей хороший, но иногда он схож с сосной на крепком стволе и расходящимися в стороны ветвями. «На огромную крепкую сосну, которую никаким ветром не согнёшь».

Сильно нравилось Мода бродить по улицам, и часами, не замечая предметов и времени, она шагала по узким деревенским улочкам, забывая, где она и зачем.

За этим занятием её застали внезапно нагрянувшие родственники — Катя и Саша, родные племянники.

— Катя! Откуда? Какая ты красивая! Была и стала красивой. И Саша с тобой!

— Да, у Саши каникулы, он медицинский заканчивает! — бойко крикнула Катя, обняла Моду.— Мы приехали, тебя найти не можем...

Молодёжь на лето поселилась у Моды. Та суетилась вокруг них всё время, готовила, кормила и шила одежду на заказ

для своих, деревенских, приезжали и клиенты из города. В те суетливые дни отменились у Моды прогулки, клуб, встречи с Сергеем — времени на то не хватало.

А вся деревня смотрела теперь на Катю и любовалась.

«Ух, какая ладная, фигурка точёная, глаза чёрные со смородиновым блеском», — с ума всех сводила девчонка. И никто теперь не замечал Моду, и пропал к ней общественный интерес.

И Сергей стал часто прохаживаться у дома, где жила Мода, но надеялся увидеть Катю в окошке, хоть на минутку, смотрел за забор, вытягивая мускулистую шею.

Будущий доктор Саша, приглядываясь к тётушке, выслушав чистосердечные рассказы её о том, как часами гуляет она по деревне и забывается, и недоверчиво глядя на чудные наряды, сделал твёрдый вывод: «У тёти Моды шизофрения».

В один вечер Сергею повезло: Катя заметила его, курившего у их дома, и даже поздоровалась.

И тут Сергей решился предстать перед ней поэтом: «Кому, как не лучшей, красивой, любимой, открыть эту тайну?..»

— Кать!

— А?!

— Послушай:

Люблю сильнее слёз и боли.

Люблю. И чувствовать хочу

Любовь, которая как море —

В нём поплыву и закричу...

Оба молчали.

Он спросил:

— Ну как?

Она ответила:

— Да пошёл ты! — залилась моложавым смехом и поспешила к крыльцу.

Мода стояла неподалёку и всё видела-слышала. Огромная сонна ожила, раскинула ветви и проглотила больную душу. Мысли закрутились и по-разному складывались, как узоры калейдоскопа.

Мода тихо засвистела его любимую модную песенку. А он, совсем потерянный, услышал, увидел. Мода на миг замолчала.

— Что ты, Мода? Спой мне ещё свою песенку...

Мода насвистывала, Сергей плакал.

«Люблю сильнее слёз и боли. Люблю...»

— Не плачь, Серёга!